

въ смерти, чтобы все оживить... Нѣмѣютъ уста, цѣненѣтъ языкъ нашъ предъ величіемъ дѣла Спасителя нашего. Не объять намъ умомъ своимъ необъятнаго дѣла этого, непонять непостижимыхъ тайнъ смотрѣнія Божія о насъ. Плакать и молиться влечетъ насъ къ этому Пречистому Тѣлу благодарное сердце наше, сокрушаться и стенать зоветъ сюда Святая Церковь... О, кто очиститъ мои нечистыя уста, чтобы лобызать эти язвы Господа, претерпѣнныя за меня! Кто дастъ мнѣ слезы, чтобы омыть эту святую кровь, омывшую скверны моя! Кто умилишь огрубѣвшее сердце мое, чтобы возлюбить Возлюбившаго меня даже до смерти Крестной! (Филип. 2, 8) Востани, Господи, востани! Прелей свѣтъ Твой, да разсѣется мракъ души моей и путь мой предъ Тобою. Востани, Господи, востани! Коснись хладному сердцу моему, да согрѣется любовію святою и возрадуется радостію чистою. Востани, Господи, востани! яви и на мнѣ силу Твою, помяни и меня во царствіи Твоемъ, да спасенъ буду отъ гнѣва и осужденія Твоего, какъ рабъ неблагодарный и лукавый. Востани, Господи, востани! да просвѣтитсѣ имя Твое предъ всѣми и да поклонятся Тебѣ всѣ племена и языки земные нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Замѣтки по вопросамъ противосектантской полемики.

(Окончаніе).

2) 2 Петра III, 16: какъ онъ (Ап. Павелъ) говоритъ объ этомъ и во всѣхъ посланіяхъ, въ которыхъ есть ничто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, изъ собственной евоей погибли, превращаются, какъ и прочія писанія. По поводу этого стиха, по мнѣнію отца А., можетъ быть предложенъ такой вопросъ: зачемъ св. Апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ писалъ «ничто неудобовразумительное», когда самъ же онъ гово-

рить въ 1 Кор. XIV, 19, что лучше сказать пять словъ, чтобы была польза другимъ, чѣмъ тьма словъ непонятно?

Въ такой формѣ едва ли сектанты предлагаютъ вопросъ, — намъ, покрайней мѣрѣ, на бесѣдахъ не приходилось слышать его, — но общій смыслъ этого стиха приходится выяснять на бѣсѣдахъ, почему мы и остановимся, сначала и главнымъ образомъ, на выясненіи этого послѣдняго.

Въ посланіяхъ св. Ап. Павла есть «нѣчто неудобовразумительное» по высотѣ богословствующей мысли и оборотамъ рѣчи, или своеобразности выраженій. Подобныя „неудобовразумительныя“ въ его посланіяхъ мѣста, какъ и вообще все Богодухновенное Писаніе, можно правильно понять, только при руководствѣ «истолкователей» (1. Кор. XIV, 28), т. е. людей съ умомъ Богопросвѣщеннымъ, которымъ Духомъ Святымъ подаются особенные дары: «слово мудрости и знанія... пророчества... истолкованіе языковъ» (1 Кор. XII, 7—10) и тѣхъ людей, которымъ сами же Апостолы раскрывали истинный смыслъ своего ученія (2. Тимое. I, 13; III, 14) и которымъ повелѣвали и самимъ проповѣдывать это ученіе другимъ (2 Тим. IV, 2) и преемниковъ себѣ „вѣрныхъ людей“ приготовить для проповѣди и толкованія слова Божія людямъ (2 Тим. II, 2). Таковыми были и будутъ епископы и пресвитеры (1 Тимое. III, 2; Титу I, 5, 7, 9), поставлявшіеся на дѣло служенія церкви Божіей Духомъ Святымъ (Дѣян. XX, 28), чрезъ рукоположеніе Апостоловъ (1 Тим. IV, 14; 2 Тим. I, 6; Дѣян. XIV, 23), и имѣющіе поставляться такимъ же порядкомъ (1 Тим. V, 22; Титу I, 5) до тѣхъ поръ, пока „всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова“ (Ефес. IV, 13), а это продолжится до конца сего міра, т. е. Евангеліе будетъ проповѣдано вездѣ только предъ кончиною міра (Мат. XXIV, 14), а совершенства достигнемъ только въ будущей жизни (1 Кор. XV, 24—28).

Черезъ этихъ то, „пастырей и учителей“ церкви преемственно,—по преданію отъ одного къ другому, и сохраняется и передается всѣмъ желающимъ послушать словесъ „здраваго ученія“ истинный смыслъ ученія Христова и Апостольскаго, раскрытый самими Апостолами и „истолкователями“ первыхъ временъ христіанства и св. отцами послѣдующихъ временъ во всей чистотѣ и неповрежденности.

Въ апостольское время были еретики и еретичествующіе,—какъ и нынѣ есть сектанты и сектантствующіе люди,—которые не хотѣли знать,—какъ и нынѣшніе не хотятъ знать,—никакъ авторитетовъ, никакихъ руководителей и ужъ въ особенности пастырей и учителей, никакого преданія—и уже въ особенности—церковнаго,—и которые во всемъ полагались единственно только на свой разумъ. Кичливый же разумъ человѣческой никогда не могъ и не можетъ, самъ собою, постигнуть всю *бездну богатства и премудрости и вѣднія Божія*, всю непостижимость судьбы Его и неизслѣдимость путей Его (Рим. I, XI, 33. 2 Петр. I, 20), заключающіяся въ писаніи. Неудивительно, послѣ этого, что подобные люди, какъ во время Ап. Петра, такъ и нынѣ, много какъ въ посланіяхъ Апостола Павла, такъ и во всѣмъ Писаніи, находятъ для себя „неудобовразумительнаго“, чего они не могутъ,—а иногда и не хотятъ,—понять. Такіе люди,—„невѣжды и неутвержденные,“—какъ тогда, такъ и теперь „превращаютъ писанія“, „здраваго ученія не слушаютъ,“ „отъ истины слухъ свой отвращаютъ“, и произнося одно „надутое пустословіе“, проповѣдуютъ басни (2 Тим. IV, 3, 4; 2 Петра II, 18), къ собственной своей гибели, а равно и тѣхъ, кто за ними послѣдуетъ.

Желая предостеречь христіанъ отъ подобной опасности, т. е. отъ увлеченія подобными учителями, а равно и отъ собственныхъ попытокъ своимъ умомъ постигнуть писаніе, св. Апостоль Петръ и напоминаетъ христіанамъ о „неудобо-

вразумительности“ въ которыхъ мѣсть изъ посланій Апостола Павла. *Вотъ* смыслъ этого стиха, по нашему мнѣнію.

Если же будетъ предложенъ вопросъ въ той формѣ, въ которой ставить его отецъ А., то слѣдуетъ сказать сектантамъ, что эти два стиха—2 Петра III, 16 и 1 Кор. XIV, 19 одинъ съ другимъ и сравнивать нельзя, п. ч. „неудобовразумительность“ въ первомъ стихѣ и „непонятность“ въ 2-мъ—понятія различныя, и сказаны оба стиха Апостолами Петромъ и Павломъ по разнымъ случаямъ или причинамъ. Мы уже видѣли, что должно разумѣть подъ „неудобовразумительностью“ въ посланіяхъ Апостола Павла и съ какою цѣлію это сказано Апостоломъ Петромъ; теперь посмотримъ о какой „непонятности“ говорится у Ап. Павла въ 1 Кор. XIV, 19.

Этотъ стихъ читается такъ:... *въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умою моимъ, чтобы и другихъ наставить, нежели тѣмъ словъ на незнакомомъ языкѣ.* Какъ изъ этого стиха, такъ и—еще яснѣе—изъ контекста рѣчи видно, что здѣсь Ап. Павелъ говоритъ о чрезвычайномъ дарѣ Св. Духа—дарѣ языковъ, въ изобиліи сообщавшемся вѣрующимъ въ апостольское время. Этотъ даръ отъ воли и ума самого человѣка не зависѣлъ, а подавался ему чудеснымъ образомъ подобно тому, какъ получили его Апостолы въ день Пятидесятницы (Дѣян. II). Апостоль Павелъ сравниваетъ этотъ даръ съ другими чрезвычайными дарами Св. Духа—пророчествомъ и истолкованіемъ, и говоритъ, что эти послѣдніе дары полезнѣе для вѣрующихъ, чѣмъ первый. Пророчествующаго или истолкователя всѣ понимаютъ, а говорящаго на чужомъ—незнакомомъ языкѣ можетъ понять только тотъ, на чьемъ нарѣчій говоритъ проповѣдникъ, а остальные, находящіеся въ собраніи, незнакомые съ этимъ нарѣчіемъ, ничего не поймутъ. Апостоль Павелъ, въ разбираемомъ стихѣ, и выражаетъ желаніе лучше сказать немного, но „умою своимъ“, т. е. не на языкѣ, чрезвычайно дарованномъ, а

на своемъ родномъ нарѣчїи, чтобы быть понятнымъ всѣмъ, нежели много, но на незнакомомъ языкѣ, который поймутъ не всѣ. Поэтому онъ и вѣрующихъ побуждаетъ „ревновать“ болѣе о дарѣ пророчества (1 ст.) и истолкованія (13 ст.), какъ всѣмъ понятныхъ, нежели о дарѣ языковъ. Вотъ смыслъ 19 стиха XIV гл. 1 посл. къ Кор.

Ясно, что Апостолъ Петръ подъ „неудоборазумительнымъ“ разумѣлъ то, что мы выше сказали, а совсѣмъ не эту непонятность, п. ч. всѣ посланія по языку или нарѣчію были понятны тѣмъ церквамъ или лицамъ, къ которымъ писались; понятны они и теперь христіанамъ почти всѣхъ народовъ, п. ч. переведены на множество языковъ.

Зачѣмъ Апостолъ Павелъ допускалъ въ своихъ посланіяхъ „неудоборазумительность“? Но мы уже сказали, что нѣкоторая „неудоборазумительность“ въ его посланіяхъ зависѣла отъ высоты предмета ученій его и глубины его богословствующей мысли; отъ этого же зависѣла и своеобразность нѣкоторыхъ выраженій его, но вѣдь не всякое же ученіе можно выразить просто и понятно для каждаго человека. Многія богословскія истины и выразить нельзя иначе, какъ только особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ, богословскимъ—такъ сказать научнымъ—языкомъ, который можетъ быть понятенъ только людямъ, стоящимъ на извѣстной ступени духовнаго развитія. Такимъ образомъ, лично отъ Апостола Павла эта „неудоборазумительность“ не зависѣла и въ вину ему постановлена быть не можетъ. По содержанію же посланія Апостола Павла—Писаніе Богодухновенное, а посему и задавать подобный вопросъ—не значить ли дерзновенно вопрошать Саму Премудрость Божию: почему Она сообщаетъ свои откровенія высоко и мудро, а не такъ, какъ намъ понятно или нравится? Но... *кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Ему? Или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздать? (Исаи XL, 13 14; Римл. XI, 34, 35).*

Ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему. Ему слава во-вѣки, аминь. (Римл., XI, 36) и 3) Ев. Иоан. XXI, 25: Многое и другое сотворилъ Иисусъ; но еслибы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ.— „Не преувеличенно-ли это сказано, что міръ не могъ бы вмѣститъ книгъ?“ спрашиваетъ отецъ А.

Простой народъ, какъ православный, такъ и сектанты, понимаютъ сказанное въ этомъ стихѣ буквально, и разговоръ по этому поводу никогда не возбуждаютъ, слѣдовательно мнѣ, съ миссіонерской точки зрѣнія,—а я только именно съ этой точки зрѣнія и берусь отвѣчать на предлагаемые вопросы,—и объяснять здѣсь нечего. Къ свѣдѣнію же самого отца А., имѣя въ виду, что ему какъ сельскому жителю, трудно достать книгъ по объясненію св. Писанія, дѣлаю буквальную выписку изъ „Толковаго Евангелія“ архимандрита Михаила, изд. 1874 г., книга 3-я: Евангеліе отъ Иоанна, стр. 628, изъ толкованія на этотъ стихъ блаженнаго Теофилакта. *И самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ:* „не удивляйся сказанному, что если бы писать книги о дѣлахъ Иисуса, то не вмѣстилъ бы ихъ міръ, но помысли о неизреченной силѣ Бога Слова и сказанное пріими съ вѣрою. Ибо какъ для насъ легко говорить, такъ для Него легко, и даже гораздо легче, дѣлать, что Ему угодно.—Нѣкоторые же говорятъ, что по обычаю Писанія, это сказано иперболически, ибо у писанія въ обычаѣ употреблять иперболы; напримѣр: „мы видѣли города, достигающіе до неба“, и: мы видѣли мужей, и были передъ ними какъ саранча (Числ. XIII, 29, 33, 34) и тому подобное.—Но будемъ молиться, чтобы намъ, очистившись въ словѣ и жизни, въ день откровенія удостоиться неизреченнѣйшихъ дѣлъ и тайнъ, которыхъ нынѣ, находясь въ мірѣ, мы „не можемъ вмѣститъ“, и—сдѣлаться совершенными въ въ самомъ Христѣ, возлюбившемъ насъ и чрезъ возлюблен-

наго своего ученика просвѣтившемъ насъ богословіемъ и познаніемъ Его и Отца и св. Духа, которому слава во вѣки". (Θеофил.). Аминь.

Епарх. миссіонеръ, свящ. *Павелъ Соколовъ.*

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

(Продолженіе).

II.

Воспитаніе тѣла, какъ органа произвольныхъ движеній.

Хотя произвольныя движенія составляютъ необходимую принадлежность нашей духовной и тѣлесной конструкціи, тѣмъ не менѣе они нуждаются въ разумномъ направленіи и цѣлесообразной обработкѣ ихъ. Опытъ показываетъ, что одни изъ людей приобрѣтаютъ съ молодыхъ лѣтъ привычку къ легкимъ и даже граціознымъ движеніямъ, а другіе остаются на всю жизнь неповоротливыми и неуклюжими, — одни вполне подчиняютъ своей волѣ и намѣреніямъ движенія глазъ, рукъ и мускульныхъ движеній, другіе же не въ состояніи побѣдить самыя непривлекательныя движенія (миганье глазами, качанье головою во время разговора и проч.). Подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній органы произвольныхъ движеній часто обращаются въ орудія слѣпыхъ, иногда полезныхъ, а иногда гибельныхъ порывовъ (опѣшеніе членовъ при видѣ неминуемо угрожающей опасности, паденіе и изувѣченіе тѣла отъ внезапныхъ душевныхъ потрясеній). Вслѣдствіе указанныхъ явленій, само собою возникаетъ необходимость воспитывать органы произвольнаго движенія, чтобы они соотвѣтствовали и повиновались разумнымъ дѣйствіямъ и требованіямъ духа, какъ управителя нашей жизни.

Наилучшимъ средствомъ къ управленію и развитію тѣла, какъ органа произвольныхъ движеній, служитъ гимнастика, получившая первоначальное происхожденіе и имѣвшая обширное употребленіе въ воспитаніи древнихъ Грековъ.